

ВАЛЕРИЙ МАКСИМ. Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С.Ю. Трохачева. Санкт-Петербург.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. 308 с.

В последние десятилетия в отечественном антиковедении наблюдается всплеск работы по переводу античных авторов на русский язык. Несомненно, это отрадное явление, значение которого трудно переоценить. Прежде всего, новый перевод становится вкладом в развитие отечественной культуры, делая достижения культуры античной доступными для широкой аудитории. Велико и научное значение переводческой деятельности, ибо каждый перевод представляет собой интерпретацию авторского текста, тем самым являясь вкладом в развитие отечественной историографии. Что касается Валерия Максима, латинского автора первой половины I в. н.э., то давно уже назрела необходимость знакомства с его сочинением широкой публики. Имеющийся перевод 1772 г., несомненно, эту функцию выполнить никоим образом не может. Этот сборник коротких рассказов, сгруппированных по рубрикам («о религии», «о древних учреждениях», «об умеренности» и т.д.), представляет интерес и для массового читателя, и для специалиста, являясь своеобразным комpendиумом римских обычных знаний о своем прошлом, устоях и традициях своего общества, того, что можно назвать сутью римской цивилизации. Любопытен и подбор Валерием Максимом «внешних примеров», т.е. рассказов из жизни других народов, подтверждающих римские истории. Все это заранее обеспечило интерес к переводу на русский язык первой половины сочинения Валерия Максима «Достопамятные деяния и изречения», вышедшему в 2007 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета.

Однако уже при беглом взгляде настораживает, что в столь солидном издательстве не нашлось научного редактора для данной работы. А он был крайне необходим, ибо текст производит настолько странное впечатление, что не заслуживает даже характеристики «плохой перевод». Я заявляю со всей ответственностью, что это вообще не перевод. В своей рецензии я не буду касаться стиля, не буду касаться и многих мелких, и не очень, погрешностей и ошибок, не повлиявших принципиально на смысл и содержание. Анализ подвергнутся лишь первые разделы первой книги труда Валерия Максима, посвященной религии, в области которой лежат мои научные интересы. В более подробной рецензии, опубликованной в журнале «Кентавр» (2008. № 5), я рассмотрел один за другим перевод примерно 55 первых параграфов и отметил, что практически в каждом из них (за исключением 1–2), даже самом маленьком по размеру, имеются грубейшие грамматические и исторические ошибки, относящиеся к азам знания. Такой выборочный анализ вполне достаточен для оценки качества перевода в целом: как говорится, ex ungue leonem. В предлагаемой рецензии будут указаны наиболее типичные ошибки, объединенные по отдельным группам. Во избежание путаницы цитаты даны курсивом в отличие от моих переводов, в которых я к тому же старался максимально использовать лексику рецензируемого перевода, чтобы стилистические варианты (и разногласия) не затемняли суть критики. Анализ основан на издании труда Валерия Максима в серии «Loeb Classical Library» (2000 г.), которым пользовался переводчик (с. 13–14).

Прежде всего бросается в глаза совершенно вольное обращение с элементарными правилами латинской грамматики. Приведу несколько наиболее показательных образцов. Уже во Введении к сочинению Валерия Максима фразу «Nec mihi cuncta complectendi cupidus incessit» переводчик понял следующим образом: *«И не только мне, стремящемуся к собирательству, все это выпало на долю»*. Нетрудно заметить, что он не увидел подлежащее cupidus и зависящий от него gen. sing. герундий complectendi, от которого уже зависит acc. pl. cuncta. Смысл же фразы должен быть следующим: «Мною не овладело желание охватить все» (далее Валерий Максим поясняет, почему такой замысел невозможен). Затем он пишет об императоре Тиберии: penes quem hominum deorumque consensus maris ac terrae regimen esse voluit. Я не понимаю, как можно было прийти к следующему переводу: *«при котором воцарилось согласие людей и богов, власть (чья? – А.С.) на суше и на море»*. Здесь стоит обычный acc. s. inf. (regimen esse): «которому (Тиберию. – А.С.) согласие людей и богов захотело отдать власть над морем и сушей».

Имеется и более удивительная интерпретация весьма простого текста (I. 1. 3): *«Похвально жертвование двенадцатью религиозными фасциями»* (laudabile duodecim fascium religiosum obsequium). Нетрудно заметить, что переводчик согласовал определение religiosum (nom. sing. среднего рода), которое относится к существительному obsequium, с fascium (gen. pl. мужского рода III скл.). Если эта ошибка не относится к азам латинской грамматики, то что это означает?

Речь же шла о подчинении упомянутого в предыдущем параграфе консула Постумия (образно названного «двенадцать фасций») требованиям религии.

В том же духе в другом отрывке (I. 5. 4) переводчик интерпретировал фразу «*nocte concubia nuptiale petit omen*» («глубокой ночью искала предзнаменование по поводу брака») как «*искала предзнаменование по поводу первой брачной ночи*», т.е. он связал словосочетание «*nocte concubia*» (abl. sing. женского рода) с прилагательным *nuptiale* (acc. sing. среднего рода), которое в действительности относится к *omen*. Точно такая же ошибка допущена в другом месте (I. 5. 7), где прилагательное *dignus*, относящееся к существительному *eventus* (nom. sing. мужского рода), оказалось вдруг связанным с существительным *omine*, которое стоит в другом падеже (abl.) и принадлежит к другому роду (среднему). Но это не остановило переводчика, и в итоге появилось «*достойное предзнаменование*».

В рассказе о М. Атилии Регуле (I. 1. 14), захваченном в плен во время II Пунической войны, фраза «*in contrarium dato consilio Carthaginem petiit*» («дав совет в ином духе, он вернулся в Карфаген») переведена «*вместо того чтобы следовать наказу карфагенского совета, он поведал сенаторам*». Удивительным образом расширив содержание текста, переводчик согласовал слова *consilio* (abl. существительного в обороте abl. abs.) и *Carthaginem* (acc. sing.).

Завершу этот далеко не полный перечень первым предложением из рассказа о смерти Марцелла (I. 6. 9), где ошибочно переведено каждое словосочетание: *consulatus* (gen.) *collegium* означает «совместное консульство», а не «*распря между консулами*»; *erroris* (gen.) *societas* – «сходная ошибка», а не «*заблуждение общества*»; *par genus mortis* – «одинаковый вид смерти», а не «*самый род смерти*»; «*Ti. Graccho*» – abl., а не gen., как думает переводчик. Думаю, нет необходимости доказывать здесь очевидное.

В следующую группу я поместил бы ошибочный выбор значений слов, т.е. таких, которые не соответствуют контексту, вследствие чего полностью менялся смысл. Например, слово *principes* можно, конечно, перевести и как «царь», но не тогда, когда речь идет о решении республиканского сената отправить «десять сыновей первых лиц» (*decem principum filii*) для изучения этрусского священного знания (I. 1. 1b)¹. Переводчик же предлагает понимать это как «*десять царских сыновей*». О каких царях идет речь, остается загадкой. Здесь же имя жрицы *Callifana*, которая в переводе почему-то стала жрецом, оказалось эпитетом Цереры, как и в следующем отрывке (I. 1. 1c), где эпитетом Цереры переводчик сделал название города Неппа. В рассказе об исчезновении рода Поттициев (I. 1. 17), который вымер («*extincti sunt*») после совершения святотатства (ср. Liv. IX. 29. 9–11), почему-то для указанного глагола выбрано значение «забывать» («*были забыты*»). *Gubernator*, к которому обратился с вопросом Помпей (I. 5. 6), не «*правитель*», а «кормчий».

Самое удивительное превращение произошло в рассказе о молитве Камилла после взятия Вей в 396 г. до н.э. (I. 5. 2): переводчик «убил» славного героя римской истории, приняв *lap-su decidit* (известная история о падении Камилла во время благодарственной молитвы²) за его смерть. Кто же тогда освободил Рим от галлов в 390 г. до н.э. и совершил множество других подвигов?! До сих пор считалось, что Камилл скончался во время эпидемии в 365 г. до н.э. (Liv. VII. 1. 8).

Несколько примеров придуманных или ошибочных значений: выражение *quo spectaculo* (I. 5. 5) означает «этим зрелищем», но не «*как в зеркале*», что предлагает переводчик; глагол *pervellit* (I. 5. 8) означает «ущипнула» (*pervello*), а не «*сильно возжелала*», каковое значение имеет другой глагол (*pervollo* > *pervoluit*); «*me hercule*» (I. 1. 21) означает «*клянусь Геркулесом*», «*право же*» и т.п., но не «*как и в примере с Геркулесом*».

Грешит переводчик и пропуском слов латинского текста, оставляя их без перевода. Даже если это не оказывало влияния на смысл фразы, например, пропуск слов *ipse* и *deae* (I. 1. 1 ext.), *fortissima* и *gradus* (I. 6. 4), зачем нужны такого рода вольности? Но чаще ситуация складывается иначе. Так, в рассказе о приказе тирана Дионисия срезать бороду со статуи Эскулапа (I. 1. 3 ext.) переводчик опустил важное обстоятельство, что она была золотая. В перевод не попала фраза о желании липарцев разделить захваченную у римлян золотую чашу (I. 1. 4 ext.): *incitato ad eam* (sc. *scateram*) *partiendam populo*. В рассказе о бегстве Мария (I. 5. 5) пропущено уточнение, что толпа собралась для помощи Марию (*ad opem illi ferendam confluxerat*). А в истории, посвященной предзнаменованию по поводу смерти Марцелла (I. 6. 9), выпало само предупреждение гарусника «*ne quid temere sonaretur*». Ограничусь этими вполне показательными примерами.

¹ Cp. Cic. Div. I. 92.

² Liv. V. 21. 14–16; Plut. Camil. 5.

Предыдущий недостаток естественным образом связан с немотивированным и необъяснимым добавлением в перевод информации, отсутствующей в латинском тексте. В упоминавшемся рассказе о липарцах (I. 1. 4 ext.) добавлено «прославился следующим поступком». В другом месте (I. 6. 3) зачем-то переводчик добавил определения «проливные» (дожди) и «горные» (ручьи), которых нет в латинском тексте. Касательно знамения в виде говорящего быка добавлены слова «вдруг объявился перед народом какой-то» (бык), а в другой истории появилось выражение «судьба самого Ксеркса» (I. 6. 1 ext.).

Следующая группа нелепостей уникальна. Я бы назвал ее «перевод по ассоциации». Не знаю, как можно было принять выражение *prisco instituto* («по древнему установлению») за указание на Тарквиния Приска (I. 1. 1a), вследствие чего в переводе вдруг появился пятый римский царь. А выражение «*multa dicta*» (I. 1. 2), что означает «назначив штраф», столь же комично переведено «*провозгласил во всеуслышание*». *Libri de iure pontificum* (I. 1. 12) – это «книги о понтификальном праве», а не «книги официальных понтификов», не говоря уже о бессмысленности последнего выражения. *Parentum* в другом отрывке (I. 1. 13) подразумевает «родителей», а не «отцов-сенаторов». К курьезам относится перевод выражения «*propter exa parum curiose admota*» (I. 1. 4): фламины сложили свои полномочия «из-за чрезмерного любопытства к внешним событиям», хотя речь шла о ритуальной ошибке. Таким образом, переводчик понял техническое выражение *parum curiose* («недостаточно тщательно», т.е. «ненадлежащим образом») как «чрезмерное любопытство», а термин *exa* («внутренности жертвенных животных») как «внешние события». В итоге получилось нечто совершенно непонятное.

В заключение остановлюсь на нескольких более пространных текстах, воплощающих все недостатки и ошибки рассматриваемого перевода. Несомненной «жемчужиной» в этой группе является рассказ об ошибке консула (163 г. до н.э.) и авгура Тиб. Гракха при проведении электоральных комиций (I. 1. 3). По мнению переводчика, Тиб. Гракх «обратил внимание, что выборы консуляров, которые он сам организовал, проходят нерегулярно в авгурской палатке» (*animadvertisse vitio tabernaculum captum comitiis consularibus, quae ipse fecisset*). Интересно, как могли происходить выборы в маленькой авгурской палатке, причем почему-то нерегулярно? Одно пояснение исключительно для переводчика: консуляры – это бывшие, а не будущие консулы. Речь же шла о письме Тиб. Гракха, где он «обратил внимание, что неправильно установил авгурскую палатку на комициях по выборам консулов (*comitiis consularibus*), которые сам проводил». Авгурское выражение *vitio tabernaculum captum* означало ошибку при ауспициях³.

В конце рассказа о событиях после поражения при Каннах (I. 1. 15) Валерий Максим пишет о том, что в силу стойкого соблюдения римлянами религиозного долга небесные силы постыдились дальше гневаться на такой народ, который даже жестокие поражения не отвратили от почитания богов: *qua quidem constantia obtinendae religionis magnus caelestibus iniectus est rubor ulterius adversus eam saeviendi gentem quae ne iniuriarum quidem acerbitate ab eorum cultu absterri potuerit*. Переводчик, пропустив здесь слово *caelestibus*, далее уже не стал ограничивать свою фантазию: «Вот каково было постоянство в соблюдении религиозных обычаев, так что ни стыд из-за поражения, ни жажда отмщения, бушевавшая в народе, ни горест утрат не смогли отвратить римлян от религиозного долга».

Рассуждая о каре богов на примере сиракузского тирана Дионисия Старшего (I. 1. 3 ext.), Валерий Максим отмечает, что «после смерти он в бесчестье сына понес те наказания, которых избежал при жизни» (*dedecore tamen filii mortuus poenas rependit quas vivus effugerat*). Речь, понятно, идет о судьбе Дионисия Младшего. Переводчик же предлагает: «но зато мертвый подвергся всем видам бесчестья, которых сумел избежать при жизни». Последнюю в отрывке сентенцию Валерия Максима о неторопливости божьего мщения переводчик совершенно не понял, выдумав для Дионисия Старшего «тяжелую и мучительную кончину». В действительности ситуация была прямо противоположной: ср. сетования Цицерона (*De nat. deor.* III. 84) по поводу не омраченной несчастиями смерти тирана-святотатца.

В рассказе о дискуссиях в сенате по поводу дальнейшей судьбы Рима после галльского разорения (I. 5. 1) «гадания» (ауспиции) относятся к основанию Рима (*prosperitatis auspiciis Romanum popen ortum*), а не к изменению «римского названия города на Вейи, пусть даже после ценных и самых совершенных гаданий». Если бы такие (придуманные переводчиком) ауспиция состоялись, они означали бы согласие богов на задуманное мероприятие, и римлянам пришлось бы его совершить. Смысл этой фразы переводчик полностью исказил.

³ Wissowa G. *Auspicium* // RE. Bd 2. 1896. Sp. 2586; Linderski J. *The Augural Law* // ANRW. II. Bd 16. 3. В. – N.Y., 1986. P. 2164. Наиболее подробный рассказ об ошибке Тиб. Гракха см. в диалоге Цицерона «О природе богов» (II. 10–11).

Еще один перевод в том же духе «исправления» Валерия Максима: «*Рассказывают, что какой-то необыкновенный ребенок родился на голове слона...*» (I. 6. 5). Роды на голове слона – это действительно необычно. На самом деле переводчик объединил здесь две фразы, перевод которых звучит так: «*Поверили, что шестимесячный ребенок на Бычьем форуме крикнул “триумф”, а другой родился с головой слона...*» (*credita sunt, puerum infantem semenstrem in foro Boario triumphum clamasse, alium cum elephantino capite natum...*).

Просто поразителен перевод конца параграфа о гибели консула Г. Фламиния (I. 6. 6): «*и похоронили все, что от него осталось, предав земле таким образом и римское государство*» (*ad funerandum... qui, quantum in ipso fuerat, Romanum sepelierat imperium*). Смысл же фразы весьма прост: Ганнибал приказал разыскать для захоронения тело Г. Фламиния, «который, насколько от него зависело, похоронил (погубил) римское государство». Здесь единственная проблема – кого понимать под относительным местоимением *qui*, Ганнибала или Фламиния.

Меня, довольно давно занимающегося коллегией авгуров, весьма заинтересовало, где переводчик нашел следующую информацию: Октавий «*вырезал на статуе знак δ – печальный знак авгуров*» (I. 6. 10). Речь здесь идет о «зловещем предзнаменовании» (*maestum augurium*), а знак *δ* ни в одном источнике вообще не упоминается, являясь чистым домыслом.

Грубейшие ошибки имеются и в комментариях. Назову лишь одну, свидетельствующую о незнании элементарных фактов римской истории: переводчик решил, что в истории, рассказывавшей о консуле 215 г. до н.э. Тиб. Гракхе, погибшем от рук карфагенян, речь идет о знаменитом плебейском трибуне 133 г. до н.э.: «*Не совсем ясно, что имеет в виду Максим. Тиберий Гракх, как известно, погиб в вооруженном столкновении на римском Форуме*» (с. 262–263). После чего идет невероятно странная попытка связать этого плебейского трибуна с Магоном, карфагенским полководцем во II Пунической войне.

Думаю, вполне достаточно анализа и части данного перевода. Даже одна подобная ошибка может поставить под вопрос компетенцию переводчика, но при таком их количестве я не могу даже определить, что представлено российскому читателю под видом перевода, тем более фактически первого на русском языке. Даже гораздо более безобидные неточности перевода и меньшие вольности при передаче смысла сказанного древними авторами вызывали у читателей обманчивое впечатление о противоречивости и недостоверности нарративной традиции. В рецензируемом же переводе абсурдность понимания римских реалий фактически приписывается Валерию Максиму. Ситуация усугубляется до крайности неряшливым стилем, что затрудняет понимание смысла напечатанного текста. Опасность таких публикаций ни в коей мере нельзя недооценивать, ибо они подпитывают нигилизм и дилетантизм в области истории, столь широко распространившиеся в последнее время. Не может не удивлять также то обстоятельство, что откровенная халтура вышла в издательстве солидного и уважаемого университета, чье имя априори должно давать «гарантию качества».

А.М. Сморгков

© 2009 г.

T. BOIY. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon (Orientalia Lovanien-sia Analecta 136). Leuven, etc., 2004. XX, 385 p. + XI plates

Цель настоящей рецензии – привлечь внимание к прекрасно изданному труду, в котором впервые обстоятельно рассмотрены социально-экономические, политические и культурные аспекты истории города Вавилона позднеахеменидского, эллинистического и парфянского периодов. Автор книги Т. Бой рассматривает клинописные, древнегреческие и арамейские тексты, астрономические дневники, содержащие информацию о лунных затмениях, уровне Евфрата в разное время и о ценах на некоторые товары, а также привлекает для своего исследования археологические и нумизматические источники. Среди этих источников особый интерес представляют глиняная табличка парфянского времени, содержащая список победителей на спортивных соревнованиях, и так называемые тексты Ггаесо-Babyloniaca – глиняные таблички I в. до нашей эры и начала н.э., на одной стороне которых содержится шумерский и/или аккадский клинописный текст, а на другой – его транслитерация греческим алфавитом. Подробно исследованы также топография Вавилона в эллинистическое и более позднее время, когда этот город из одного из мировых центров превратился в провинциальный город, передав свой административный аппарат и доминирую-